

Европейская Конвенция по правам человека и интеграция интеграций: пути преодоления фрагментации международного права

Татьяна Нешатаева*

Фрагментация международного права, которая проявляется в конкуренции международных органов по разрешению споров, ныне становится особенно ощутимой. В преодолении подобных противоречий примечателен пример их преодоления в рамках Европейской Конвенции о защите прав человека. Пути преодоления фрагментации международного права в практике международных судов возможны на пути «интеграции интеграций» – в совершенствовании правовых норм, взаимном уважении судов и готовности к сотрудничеству.

→ *Интеграция; конкуренция судов; фрагментация права; Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года; Европейский Суд по правам человека; Суд Евразийского экономического союза*

1. 0 субсидиарности

Совещание Комитета Министров Совета Европы на высшем уровне по выполнению Европейской Конвенции по правам человека в своей Брюссельской декларации от 27 марта 2015 года¹ подтвердило приверженность европейских государств, в том числе и Российской Федерации, системе Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (*далее* – Конвенция, ЕКПЧ) как краеугольному камню защиты этих прав. При этом в декларации подчеркнута субсидиарная природа контрольного механизма Конвенции.

Принцип субсидиарности имеет истоки в католическом праве и означает, что все вопросы должны справедливо разрешаться на местном уровне и лишь конфликтные проб-

лемы передаются в общий орган. Отсюда, согласно Конвенции, ключевая роль национальных властей: судов и парламентов, их способности понимать тонкие различия в обеспечении гарантий и защите прав человека на национальном уровне с привлечением, когда это необходимо, национальных институтов по защите прав человека и гражданского общества.

Механизм субсидиарности формировался долго и мучительно в постоянных конфликтах национальных судов и Европейского Суда по правам человека (*далее* – ЕСПЧ). Достаточно вспомнить не столь давние дела: *Гёргиюлю против ФРГ*² или более поздние: *Хёрст против Великобритании*³, *Маркин против Российской Федерации*⁴. Все эти решения порождали широкие дебаты в обществе

* *Нешатаева Татьяна Николаевна* – доктор юридических наук, профессор, судья Суда Евразийского экономического союза (e-mail: neshataeva@gmail.com).

¹ High-level Conference on the “Implementation of the European Convention on Human Rights, our shared responsibility” Brussels Declaration. URL: http://justice.belgium.be/fr/binaries/Declaration_EN_tcm421-265137.pdf (дата обращения: 20.10.2015).

² European Court of Human Rights (*далее* – ECHR). *Görgülü v. Germany*. Application No. 74969/01. Judgment of 26 February 2004.

³ ECHR. *Hurst v. the United Kingdom*. Application No. 74025/01. Judgment of 6 October 2005.

⁴ ECHR. *Konstantin Markin v. Russia*. Application No. 30078/06. Judgment of 22 March 2012.

и несогласие национальных судов применять постановления ЕСПЧ. Однако полагаю, что генеральный способ разрешения таких конфликтов уже найден: национальный суд отступает от решения международного суда только в случае, если: 1) международный суд поддержал более низкие стандарты защиты прав человека, чем те, что приняты на национальном уровне; 2) заявитель доказал, что национальные стандарты защиты прав выше.

Подобный подход подвинул и ЕСПЧ более тщательно изучать практику защиты прав человека в национальных судах. Достаточно вспомнить, как подробно изучалась практика возмещения нематериального вреда юридическим лицам (дела *Турецкой компартии против Турции*⁵, *Саффи против Италии*⁶, *Комингерсоль против Португалии*⁷).

Безусловно, в деле движения судов, национальных и международных, навстречу друг другу ещё множество подводных камней, ложных посылов. Например, порой происходит подмена понятий «права человека» — «суверенитет государства». Специалистам известно, что суверенитет ограничен в двух сферах современного международного права: в институте агрессивной войны и при защите прав человека.

С другой стороны, международные органы могут вести себя недостаточно толерантно по отношению к высшим национальным. Так, в настоящее время не были приняты как слишком радикальные предложения по более тесному сотрудничеству ЕСПЧ и верховных судов: 1) о предоставлении права национальному суду пересмотреть повторяющееся дело по собственной инициативе до рассмотрения дела в международном суде или 2) по приглашению национального судьи в прецедентное дело в Большой палате ЕСПЧ. Думаю, что и эти идеи со временем будут поняты и реализованы.

Однако в целом механизм преодоления недопониманий и разногласий между ЕСПЧ и национальными судами, повторюсь, най-

ден, о чём свидетельствуют стандарты Интерлакенской⁸, Измирской⁹, Брайтонской¹⁰ и Брюссельской деклараций.

2. Фрагментация международного права

Сегодня на повестке дня иная проблема — фрагментация международного права, происходящая из-за разночтений единых международных норм различными международными судами и, как следствие, углубляющиеся расхождения в понимании этих норм в национальных судах.

2.1. Фрагментация права как результат конкуренции специализированных и региональных судов

Впервые феномен фрагментации был отмечен британским международником и председателем Международной организации труда Уилфредом Дженксом более пятидесяти лет назад. По его мнению, в основе фрагментации лежат две причины: 1) заключение международных договоров в различных исторических, функциональных и региональных условиях; 2) постоянное развитие права за счёт судебной практики¹¹. Добавлю и ещё одну причину — недостаточное знание общего международного права практикующими юристами.

В отчёте рабочей группы Комиссии по международному праву ООН на тему «Фрагментация международного права: трудности, вызванные диверсификацией и экспансией международного права» в 2006 году отмечалось: всё большую роль играет так называемая «функциональная дифференциация» — это парадокс глобализации, при котором большее единообразие социальной жизни приводит к росту фрагментации различных её сфер, в том числе правовых институтов, областей юридической практики и, как следст-

⁵ ECHR. *United Communist of Turkey and others v. Turkey*. Application No. 19392/92. Judgment of 30 January 1998.

⁶ ECHR. *Immobiliare Saffi v. Italy*. Application No. 22774/93. Judgment of 28 July 1999.

⁷ ECHR. *Comingersoll S.A. v. Portugal*. Application No. 35382/97. Judgment of 6 April 2000.

⁸ High Level Conference on the Future of the European Court of Human Rights Interlaken Declaration. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/2010_Interlaken_FinalDeclaration_ENG.pdf (дата обращения: 20.10.2015).

⁹ High Level Conference on the Future of the European Court of Human Rights organized within the framework of the Turkish Chairmanship of the Committee of Ministers of the Council of Europe. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/2011_Izmir_FinalDeclaration_ENG.pdf (дата обращения: 20.10.2015).

¹⁰ High Level Conference on the Future of the European Court of Human Rights Brighton Declaration. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/2012_Brighton_FinalDeclaration_ENG.pdf (дата обращения: 20.10.2015).

¹¹ *Jenks C. Wilfried*. The conflict of law-making treaties, *British Yearbook of International Law*. Vol. 30. 1953. P.403.

вие, к фрагментации права. Каждая сфера общественных отношений получает особое правовое оформление¹².

То, что когда-то зародилось как общее международное право, со временем стало пространством для выделения торгового права, прав человека, права окружающей среды, европейского права, морского права, инвестиционного права и пр. Причём каждая новая сфера общего международного права приобрела собственные принципы и институты, а затем началось своеобразное игнорирование общих принципов права в пользу специальных принципов. Между тем в международном праве есть особо значимая общая часть, создававшаяся веками, и всеми признанная: так называемые свехимперативные нормы — *jus cogens*. Однако зачастую специальные нормы игнорируют и *jus cogens*.

Происходит это из-за увеличения количества международных договоров. Усугубляет ситуацию положение, когда один и тот же вопрос оказывается урегулированным несколькими международными договорами.

Следствием выделения отдельных сфер в общем международном праве либо регулирования одного и того же вопроса разными международными договорами стало создание специализированных судов и трибуналов, и теперь уже их разнородная практика стала следующей причиной развития и распространения фрагментации. Эта проблема дополнилась изоляцией друг от друга международных судов и трибуналов, это явление ещё образно называют «клинической изоляцией». Результат — посягательство судов на юрисдикцию друг друга.

Первый показательный пример того, как один и тот же вопрос регулируется разными международными договорами, каждый из которых предусматривает свой орган по разрешению споров, — это так называемое дело *MOX Plant* по поводу спора между Ирландией и Великобританией¹³. Трибунал, учреждённый на основе Конвенции ООН по

морскому праву, признал Великобританию невиновной. Ирландия обратилась в Суд Европейского Союза (*далее* — ЕС), который признал себя компетентным в разрешении данного спора¹⁴.

Дело возникло по поводу вопроса о радиоактивных выбросах британского завода, в разрешении спора была заинтересована Ирландия. Проблема оказалась предметом регулирования в рамках трёх международных договоров:

- универсального — Конвенции ООН по морскому праву;

- регионального — Конвенции по защите морской природной среды Северо-Восточной Атлантики;

- регионального — права ЕС и Европейского сообщества по атомной энергии в сфере окружающей среды.

В определении подходов к делу возникло два взаимосвязанных вопроса:

- этот вопрос является предметом морского права или взаимоотношений в рамках ЕС?

- какой суд или трибунал компетентен разрешить этот конфликт: трибунал, созданный на основе Конвенции по морскому праву, или трибунал, созданный в соответствии с Конвенцией по защите морской природной среды Северо-Восточной Атлантики, или Суд ЕС?

В итоге по соглашению сторон были созданы трибуналы по обоим Конвенциям, а затем последовало обращение в Суд ЕС.

Трибунал на основе Конвенции ООН по морскому праву признал в этом деле свою компетенцию, а при вынесении решения использовал только Конвенцию. Трибунал признал, что Великобритания не нарушает Конвенцию.

Трибунал на основе Конвенции по защите морской природной среды Северо-Восточной Атлантики (*далее* — Трибунал) указал, что компетентным органом по разрешению морского спора может быть [постоянно действующий] Трибунал по морскому праву, Суд ООН или трибунал, созданный *ad hoc*¹⁵. Одновременно

¹² Fragmentation of international law: difficulties arising from the diversification and expansion of international law. Report of the Study group of the International law commission. URL: http://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_l682.pdf (дата обращения: 20.10.2015).

¹³ International Tribunal for the Law of the Sea. The MOX Plant case (*Ireland v. United Kingdom*). URL: <https://www.itlos.org/cases/list-of-cases/case-no-10/#c665/> (дата обращения: 20.10.2015).

¹⁴ *Lauranos N.* On the Need to Regulate Competing Jurisdictions between International Courts and Tribunals. URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/11484/MWP_2009_14.pdf?sequence=3 (дата обращения: 20.10.2015).

¹⁵ International Tribunal for the Law of the Sea. The MOX Plant case (*Ireland v. United Kingdom*). Order of 3 December 2001. § 37. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_10/Order.03.12.01.E.pdf (дата обращения: 20.10.2015).

менно с началом процедур в данном Трибунале Европейская комиссия в интересах Великобритании обратилась в Суд ЕС, указывая на то, что Ирландия нарушает правопорядок ЕС, требуя рассмотрения спора за пределами правопорядка ЕС, хотя проблемные вопросы — это сфера права ЕС. В этом Трибунале рассмотрение дела завершено не было.

Суд ЕС посчитал, что, поскольку ЕС ратифицировал Конвенцию ООН по морскому праву, Конвенция стала частью правопорядка ЕС. Кроме того, вопросы, поднятые в споре, урегулированы правом ЕС, что предоставляет в данном деле юрисдикцию Суду ЕС. Суд ЕС прямо указал: «международное соглашение (такое, как Конвенция ООН по морскому праву) не влияет на исключительную юрисдикцию Суда ЕС как органа, компетентного разрешать споры между государствами — членами ЕС, если разрешение таких споров одновременно связано с применением коммунитарного права»¹⁶.

Считается, что дело *MOX Plant* было первым, в котором наглядно продемонстрированы потенциальные проблемы взаимодействия исключительной юрисдикции Суда ЕС и многообразия международных судов и трибуналов. Ясна и позиция Суда ЕС — последовательное отстаивание исключительности своей компетенции. Вместе с тем Суд ЕС не располагает механизмом, который бы запретил государствам — членам ЕС обращаться в другие суды и трибуналы.

Другой показательный пример — споры, возникшие между экономическими региональными судами: это дело *Mexico Soft Drinks*¹⁷ (в котором спор по поводу юрисдикции возник у Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации (*далее* — ОРС ВТО) и Суда НАФТА (Североамериканского интеграционного объединения)) и дело *Brazilian Tyres*¹⁸ (по поводу юрисдикции в котором возникла конкуренция между Судом латиноамериканского экономико-политического

объединения (*далее* — Суд МЕРКОСУР) и ОРС ВТО)¹⁹.

Наличие аналогичных материальных норм в разных международных договорах и, как следствие, «конкуренция компетенций» нескольких органов по разрешению споров могут быть проиллюстрированы только что упомянутым примером дела *Mexico Soft Drinks* (дела объединения мексиканских производителей безалкогольных напитков).

Суть дела такова. США оспорили в ОРС ВТО введение Мексикой дополнительного налога на сахаросодержащие напитки. США указывали, что действия Мексики нарушают статью 3 Генерального соглашения по тарифам и торговле 1947 года (*далее* — ГАТТ). Мексика возражала против рассмотрения спора в ВТО, мотивируя наличием у Арбитража НАФТА компетенции по спорному вопросу, а также наличием в соглашении по созданию этого интеграционного сообщества, НАФТА, таких норм, которые аналогичны нормам ГАТТ.

Орган по разрешению споров ВТО отклонил доводы Мексики, признав себя компетентным по разрешению спора. Апелляционный орган поддержал решение ОРС.

«Судебной» фрагментации не произошло, так как рассмотрение спора Арбитражем НАФТА не состоялось, но само это дело оказалось первым, в котором была выявлена возможность конкуренции систем разрешения споров, учреждённых на основе регионального договора (НАФТА) и универсального (соглашений ВТО).

Примером конкуренции права между Судом МЕРКОСУР (судебно-арбитражным органом латиноамериканского интеграционного объединения) с одной стороны и ОРС ВТО с другой явилось дело *Brazilian Tyres* (дело Союза бразильских производителей автопокрышек).

В 2000 году Бразилия приняла закон о введении запрета на импорт бывших в употреблении покрышек. Данный закон был оспо-

¹⁶ European Court of Justice. Commission of the European Communities v. Ireland. Case C-459/03. Judgment of 30 May 2006. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:62003CJ0459&from=EN> (дата обращения: 20.10.2015). (Коммунитарное право — это совокупность правовых норм, включающая в себя европейское интеграционное право, а также правовые нормы, обеспечивающие функционирование европейской системы защиты прав человека. — *Ред.*)

¹⁷ Dispute Settlement Body of the World Trade Organization. Mexico — Tax Measures on Soft Drinks and other Beverages. Dispute DS 308. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds308_e.htm (дата обращения: 20.10.2015).

¹⁸ Dispute Settlement Body of the World Trade Organization. Brazil — Measures Affecting Imports of Retreaded Tyres. Dispute DS 332. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds332_e.htm (дата обращения: 20.10.2015).

¹⁹ *Lavrinos N.* Op. cit. (дата обращения: 20.10.2015).

рен Уругваем в Суде МЕРКОСУР по мотиву введения нового запрета в торговле в рамках МЕРКОСУР, который отсутствовал на момент принятия Бразилией обязательств в рамках соглашения по созданию МЕРКОСУР. В результате судебного разбирательства было установлено нарушение Бразилией обязательств в рамках общего рынка МЕРКОСУР, закон был изменён с сохранением запрета на ввоз восстановленных покрышек из стран, не входящих в МЕРКОСУР (так называемое «исключение МЕРКОСУР»).

ЕС инициировал спор в ВТО, считая дискриминационным решение, которое привело к исключению МЕРКОСУР. Европейский Союз ссылался на то, что решение в рамках МЕРКОСУР свидетельствовало о неправомерности запрета на ввоз восстановленных покрышек не только из государств — членов МЕРКОСУР, а из всех государств — членов ВТО. Бразилия, однако, возражала, что в решении в рамках МЕРКОСУР указано на недопустимость запретов в торговле между членами данной организации.

ОРС ВТО признал исключение МЕРКОСУР немотивированным, дискриминационным и «*a priori* недопустимым».

2.2. Вершина айсберга – дело *Tadić* – фрагментация в актах Международного Суда ООН²⁰ и Трибунала по бывшей Югославии по вопросу геноцида²¹

В деле *Tadić* Международный трибунал по бывшей Югославии (далее — МТБЮ), следуя позиции Международного Суда ООН (далее — МС ООН) в деле *Никарагуа против США*²², установил, что государство несёт ответственность за геноцид, совершаемый в результате действий вооружённых групп, на основе теста эффективного контроля — если действия совершаются разрозненными лицами, и теста всеобъемлющего контроля — если действия совершаются организованными и иерархически структурированными группами. Апелляционная палата МТБЮ с учётом изложенной позиции посчитала, что действия

боснийских сербов возлагают ответственность на Федеративную Республику Югославию на основе теста всеобъемлющего контроля.

Впоследствии Республика Босния и Герцеговина инициировала дело в МС ООН на основании Конвенции ООН 1948 года о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Босния и Герцеговина утверждала, что Сербия вооружала и экипировала отдельных людей и целые группы, повинные в геноциде, а значит, должна нести ответственность за них.

МС ООН посчитал, что отдельные люди (подразделение «Скорпионс», генерал Ратко Младич) или организации (Республика Сербская, Вооружённые силы Республики Сербской), ответственные за геноцид в Сребренице, не имели связей с Федеративной Республикой Югославией, а значит, только на них лежит полная ответственность за геноцид. Суд также установил, что ни Республика Сербская, ни Вооружённые силы Республики Сербской не были официальными органами Федеративной Республики Югославии — не осуществлялся де-юре контроль.

Далее МС ООН применил тест эффективного контроля, но на его основании не смог установить, что действиями лиц, повинных в геноциде в Сребренице, руководили органы государства-ответчика.

МС ООН также категорично высказался о юрисдикции МТБЮ: «Вопросы ответственности государств находятся за пределами его компетенции, его юрисдикция — уголовные преступления отдельных лиц».

Считается, что данный случай — пример наиболее опасной фрагментации, так как неединообразный подход имеет место в практике двух органов, действующих «под зонтиком» ООН.

2.3. Конкуренция судов в Европе

Особо нас интересует конкуренция судов в Европе. Один из примеров фрагментации судебных актов Суда ЕС и ЕСПЧ — дело *Bosphorus*.

²⁰ International Court of Justice (далее — ICJ). *Bosnia-Herzegovina v. Serbia and Montenegro (Genocide Convention)*. Judgment of 26 February 2007. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/91/13685.pdf> (дата обращения: 20.10.2015).

²¹ International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. *Tadić case* (Case No. IT-94-1-A. 15 July 1999). URL: <http://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/en/tad-aj990715e.pdf> (дата обращения: 20.10.2015).

²² ICJ. *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*. Judgment of 27 June 1986. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/70/6503.pdf> (дата обращения: 20.10.2015).

На основании санкций ООН в отношении бывшей Югославии, имплементированных в ЕС самостоятельной директивой, Ирландия конфисковала самолет государственной югославской авиакомпании, находящийся в лизинге у компании *Bosphorus*. Правомерность конфискации была предметом рассмотрения в Суде ЕС. Суд ЕС признал конфискацию законной²³. Тогда компания *Bosphorus* обратилась в ЕСПЧ, указывая на нарушение её права собственности.

ЕСПЧ не установил нарушение права собственности²⁴. Суд также указал, что уровень правовой защиты, предоставленный ЕКПЧ, отличен от того, что действует в рамках ЕС. Далее ЕСПЧ констатировал: «До тех пор пока уровень защиты основных прав и свобод в рамках ЕС не окажется очевидно недостаточным, ЕСПЧ не намерен осуществлять свою юрисдикцию».

Критики решения ЕСПЧ по делу *Bosphorus*, однако, указывают на недостаточную конкретику понятия «до тех пор, пока уровень защиты основных прав и свобод в рамках ЕС не окажется очевидно недостаточным» (курсив мой. — Т.Н.).

Возражая им, следует заметить, что продемонстрированный ЕСПЧ подход, напротив, позволяет довольно тонко и применительно к обстоятельствам конкретного дела разрешать чувствительные вопросы столкновения права ЕС и ЕКПЧ, чего, к сожалению, нельзя сказать о Консультативном заключении Суда ЕС 2014 года на проект соглашения о присоединении ЕС к ЕКПЧ²⁵, которое показало, что фрагментация продолжает существовать.

Пришло время создавать механизмы преодоления фрагментации, возникающей из-за решений международных судов.

Пример фрагментации в актах ЕСПЧ и Комитета ООН по правам человека можно обнаружить и в деле *Achabal*²⁶. Заявление было признано неприемлемым в единоличном решении Суда, а затем признано приемлемым и принято к рассмотрению Комитетом ООН по правам человека. Причём в акте по-

следнего была отмечена неудовлетворительная мотивировка акта ЕСПЧ.

Не раскрывая сути названных дел, а лишь называя эти примеры, пытаюсь показать опасность таких разночтений, ибо они снижают авторитет судов и подрывают единство мирового правопорядка, который, как известно, не имеет механизмов взаимодействия международных судов. Например, в ЕС — два суда: Суд справедливости (Люксембург) и ЕСПЧ (Страсбург), и это даёт повод для постановки вопроса об интеграции интеграций.

3. Интеграция интеграций

Помимо проблемы присоединения ЕС к ЕКПЧ (неприсоединение — риск существования двух систем прав человека в Европе), в связи с расширением региональной интеграции появляется суд евразийской интеграции — Суд Евразийского экономического союза (*далее* — Суд ЕАЭС), что также повышает риск фрагментации европейского правопорядка в области прав человека и может стать основным вызовом, стоящим перед ЕКПЧ, если учесть, что Российская Федерация и Армения — участники ЕКПЧ, а Беларусь может стать участником. Кроме того, любой предприниматель из азиатской части ЕАЭС, действующий в Армении и России, уже сегодня может пожаловаться и жалуются на нарушение Конвенции в своих заявлениях в Суд ЕАЭС (прежде Суд Евразийского экономического сообщества, *далее* — Суд ЕврАзЭС). Положение осложняется тем, что судьи из стран, не участвующих в Конвенции, не знакомы с её нормами и основанными на них решениями.

Следовательно, уже сегодня необходимо искать механизмы преодоления этих явлений.

3.1. Изменение норм

Прежде всего, судьи и сотрудники аппарата Суда должны иметь чёткое представление о действующем международном праве. Простой

²³ European Court of Justice. Case C-84/95 (*Bosphorus*) [1996] ECR I-3953. URL: <http://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?docid=100308&doclang=EN> (дата обращения: 20.10.2015).

²⁴ ECHR. *Bosphorus v. Ireland*. Grand Chamber. Application No. 45036/98. Judgment of 30 June 2005.

²⁵ European Court of Justice. Opinion 2/13 of the court 18 December 2014. URL: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?docid=160882&doclang=EN> (дата обращения: 20.10.2015).

²⁶ Human Rights Committee. *María Cruz Achabal Puertas v. Spain* (1945/2010), CCPR/C/107/D/1945/2010 (2013); 20 IHRR 1013 (2013). См. также *Gerards J. Inadmissibility Decisions of the European Court of Human Rights: A Critique of the Lack of Reasoning // Human Rights Law Review*. 2014.

рецепт, но труднодостижимый. В действующей Конвенции такого квалификационного требования, как знание международного права, для судей нет. Пункт 1 статьи 21 ЕКПЧ звучит так: «Судьи должны обладать самыми высокими моральными качествами и удовлетворять требованиям, предъявляемым при назначении на высокие судебные должности, или быть правоведами с общепризнанным авторитетом».

Рабочей группой по реформе ЕКПЧ предлагаются изменения: «Судья должен являться признанным специалистом в области национального и международного права». Иной квалификационный критерий предлагается установить для сотрудников Секретариата ЕСПЧ: «знания в области международного и национального права».

В Статуте Суда ЕАЭС также присутствует квалификационное требование о знании судьями международного права. Так, согласно пункту 9 Статута, судьи должны обладать высокими моральными качествами, являться специалистами высокой квалификации в области международного и внутригосударственного права, а также, как правило, соответствовать требованиям, предъявляемым к судьям высших судебных органов государств-членов.

Между тем в ЕАЭС отсутствует механизм проверки соблюдения государствами-членами квалификационных требований к судьям. Такой механизм следует создать: независимый квалификационный комитет мог бы решить проблему. В ЕАЭС его создание возможно при Высшем евразийском экономическом совете, а в ЕСПЧ — при Генеральном секретаре Совета Европы.

3.2. Взаимоважение

Есть надежда, что судьи, уважающие международное право, будут уважать и решения международных судов. Например, для Суда ЕврАзЭС практика ЕСПЧ становилась ориентиром при решении сложных процессуальных вопросов. В качестве примера — дела ОАО «Угольная компания “Южный Кузбасс”» против Евразийской экономиче-

ской комиссии (далее также — ЕЭК)²⁷ и ООО «ОНП» против ЕЭК²⁸.

В первом же заявлении ОАО «Угольная компания “Южный Кузбасс”» в Суд ЕврАзЭС указывалось, что реализовать положения статьи 25 Статута Суда ЕврАзЭС и статьи 4 Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества (об обязательном досудебном обращении в Евразийскую экономическую комиссию) невозможно в связи с завершением работы Комиссии таможенного союза и неурегулированностью данного вопроса в документах правопреемника — Евразийской экономической комиссии.

Коллегия Суда ЕврАзЭС, обсудив вопрос о досудебном урегулировании спорных вопросов в порядке административной процедуры, пришла к выводу, что нормативное регулирование такой процедуры на момент обращения в Суд ЕврАзЭС отсутствует и, следовательно, процедура не может быть осуществлена в отношении хозяйствующего субъекта.

Наднациональный орган не несёт обязанности отвечать за свои действия в суде, пока у него есть возможность оценить свои действия в своей системе. Таким образом, заявление, которое предположительно должно быть подано в суд, должно быть первоначально подано в Евразийскую экономическую комиссию согласно формальным условиям и срокам, содержащимся в Регламенте ЕЭК. Нормы Регламента должны быть доступны заявителю.

Однако исчерпаны должны быть только те предварительные меры, которые доступны, ясны заявителю и достаточны для разрешения спора. Существование таких средств должно быть достаточным образом подтверждено документально и практически: ответчик должен доказать, что данные условия соблюдены; что документ существует, правило соблюдается, механизм работает и применялся к конкретному заявителю.

Таким образом, уже в первом своём решении от 5 сентября 2012 года Суд ЕврАзЭС сформулировал правило о том, что требования статьи 25 Статута и статьи 4 Договора от 9 декабря 2010 года о досудебных процедурах не могут являться абсолютными и не

²⁷ Решение коллегии Суда ЕврАзЭС от 5 сентября 2012 года по делу по заявлению ОАО «Угольная компания “Южный Кузбасс”». URL: <http://www.rg.ru/2012/12/03/reshenie-site-dok.html> (дата обращения: 20.10.2015).

²⁸ Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического сообщества от 21 февраля 2013 года. URL: <http://www.rg.ru/2013/02/27/evrazes-onp-dok.html> (дата обращения: 20.10.2015).

должны применяться автоматически, чтобы не были нарушены нормы более высокого уровня: принцип равенства сторон (статья 2 Статута) и право заявителя на доступ к суду (статья 6 ЕКПЧ). Суд ЕврАзЭС в этом деле учёл практику ЕСПЧ (дела *Hentrich v. France*, *Cardat v. France*).

В деле *ООО «ОНП» против ЕЭК* ответчик — ЕЭК — настаивал, что обанкротившаяся фирма не может жаловаться в Суд ЕврАзЭС. Банкротство произошло по инициативе таможенных органов. Суд ЕврАзЭС решил, что юридическое лицо, прекратившее предпринимательскую деятельность, является хозяйствующим субъектом, чьи права и законные интересы подлежат защите в международном суде. В решении от 21 февраля 2013 года содержится ссылка на решение ЕСПЧ по делу *Credit Industrial Bank v. Czech Republic*²⁹, которая позволяет сделать вывод, что ЕСПЧ защитил интересы тех компаний, которые планируют вернуться на профессиональный сегмент рынка, и у ЕСПЧ нет оснований полагать, что такой интерес не является законным.

Таким образом, для евразийского суда решения ЕСПЧ по вопросам независимости и доступности правосудия оказались весьма необходимы.

Показательно, что Судом ЕАЭС (ранее Судом ЕврАзЭС) по вопросам материального экономического права региональной организации изучались решения ОРС ВТО, Суда ЕС и Суда МЕРКОСУР. Такой путь также оказался эффективным.

3.3. Сотрудничество

Однако решение проблемы фрагментации благодаря доброй воле действующих судей международных судов вряд ли будет эффективно. В глобальном плане такую проблему следует решать институционально. Вновь вернусь к Брюссельской декларации, которая рекомендует создание «контактных точек» по вопросам прав человека для международных и национальных органов. Полагаю необходимым создание таких «контактных то-

чек», развитие постоянного диалога и для международных судов. В области защиты прав человека приоритет создания этих институтов — у Совета Европы, в области общих принципов права — у МС ООН. В области региональной интеграции возможна инициатива ЕАЭС, Суда ЕС в Люксембурге. Начинать диалог необходимо уже сегодня. Учитывая общее европейское начало, может быть, и начнём в Совете Европы. Тем более что в деле *Banković* ЕСПЧ отметил: «Суд должен принимать во внимание все применимые нормы международного права... Конвенцию следует толковать в гармонии с другими принципами международного права»³⁰. Очень вдохновляющий пассаж, который следует поддерживать в повседневной судебной работе. Считаю, что суды могут многое сделать для единства мирового правопорядка доступными им средствами, эволюционно, поступательно, без пушечной пальбы. Причём начинать сотрудничество можно с секретариатов судов с целью подготовки диалога судей.

4. Заключение

В заключение хотелось бы отметить, что все правовые конфликты (по линиям: национальный суд — международный суд; международный суд — международный суд) являются залогом развития общего международного права. Международное право — единственный инструментарий правового компромисса, объединяющего человечество в целом. Твёрдо уверена, что глобализация, единое правовое и экономическое пространство — магистральное направление мира, стратегия его развития, в то время как регионализация (сближение права и экономики региона) — тактика создания глобального миропорядка. В таком контексте поиск общих подходов по конкретным темам на Европейском континенте (в географическом плане это единая территория от Атлантики до Тихого океана) в конечном итоге поможет найти решение многих глобальных проблем.

²⁹ ECHR. *Credit Industrial Bank v. Czech Republic*. Application No. 29010/95. Judgment of 21 October 2003.

³⁰ ECHR. *Banković and others v. Belgium and others*. Grand Chamber. Application No. 522007/99. Decision on admissibility of 12 December 2001.